

1985. – 451 с.

2. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Маслова ; отв. ред. У. М. Бахтикиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 206, [1] с.

3. Данич, О. В. Явления культуры как источники формирования идиом поведения / О. В. Данич // Веснік ВДУ. – 1998. – № 1. – С. 48–52.

Abstract. The article deals with the problems of the correlation of language and culture, the formation of a linguistic (linguocultural) picture of the world, its national and cultural characteristics. As a means and an important component of the linguistic and cultural picture of the world, Russian and English phraseological units are proposed, demonstrating the unique and universal in the development of the world through language.

Keywords: language, culture, phraseology, linguistic and cultural picture of the world.

УДК 811.16-13:398.22

Е. Н. Денисенко

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ АРХЕТИПА «ДЕРЕВО»

Аннотация. В статье представлены материалы рассмотрения паремиологических единиц русского, белорусского и украинского языков, имеющих в своем составе названия деревьев и отражающих в своих значениях символику дерева, с точки зрения антропоориентированного подхода. Исследуется репрезентация символики деревьев в традиционных бинарных паремиологических оппозициях.

Ключевые слова: архетип, дерево, символика, восточнославянские языки, паремия, антропоориентированный подход.

Для современной науки одной из фундаментальных задач является изучение языкового выражения предметов и явлений объективной действительности и человеческой деятельности, материальной и духовной культуры народов. При изучении лексического фонда языков особенно важным оказывается исследование отдельных лексических и тематических групп в сравнительно-историческом и типологическом аспектах. В последние десятилетия с этой точки зрения исследуются различные славянские лексические микросистемы, в том числе дендронимы. Славянские наименования деревьев анализируются во многих научных работах. Так, выделяются классические и новые исследования, посвященные этимологии, семантике, символике славянских дендронимов (как отдельных, так и в перечне других фрагментов славянской лингвокультуры), их участию в традиционном этнокультурном контексте, в том числе труды А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, В. В. Иванова, Т. В. Гамкрелидзе, Н. И. Костомарова, В. В. Мартынова, К. Мошинского, А. А. Потебни, В. Н. Топорова, П. Шафарика, А. К. Байбурина, А. Вацлавика, Н. Н. Велецкой и др. Ученые рассматривают дендронимы не только в специальных исследованиях, но и в словарях и энциклопедиях, в их числе «Славянская мифология. Энциклопедический словарь», «Славянские древности. Этнолингвистический словарь», «Българска митология: Енциклопедичен речник», «Речник српских народних веровања о билькама» и др. Особо значимы исследования А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского, О. Воропая, Д. К. Зеленина, А. Илиева, П. Сobotки, Н. И. Толстого, В. В. Усачевой и др., посвященные этнолингвистической, мифологической, фольклорной составляющим проблемы. Важны научные изыскания в этих областях в отношении восточнославянского контекста Л. Дучыца, А. В. Гуры, М. Забылина, Д. К. Зеленина, Ю. А. Каминской, В. В. Колесова, А. В. Курочкина,

В. М. Мокиенко, Ю. С. Степанова и др. В настоящее время наука располагает значительным количеством фактов и наблюдений, связанных с наименованиями деревьев в славянских языках.

Для восточнославянских языков характерна родственность и близость, которая объясняется не только общностью происхождения, но и относительно поздним распадом праславянского языка и интенсивными контактами между носителями этих языков в последующие периоды. Однако анализ архетипичности деревьев в паремиологическом аспекте в восточнославянском континууме пока представлен фрагментарно.

В статье предпринята попытка выявить паремиологические единицы восточнославянских языков, отражающие символику, которая присуща архетипу «дерево». Исследование проведено в русле антропоориентированного и когнитивного подходов. В качестве основных использованы сравнительный и описательный методы исследования. Источниками паремиологического материала послужили словари пословиц и поговорок, фразеологические словари, энциклопедии белорусского, русского и украинского языков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.].

Дендроним в восточнославянской культуре представляет собой сложный знаковый комплекс, имеющий в большинстве случаев общеславянское происхождение; деревья и их номинации обладают высокой степенью участия в обрядовом контексте, основой которого являются реликты восприятия природы в восточнославянской языковой и мифологической картинах мира. Архетипичность дерева – это древнейшая форма надличностного осознания и моделирования мира-хаоса; архетип «дерево» – это результат схематизированного преобразования хаоса в порядок, основанный на системных оппозициях (верх / низ, короткий / длинный, свой / чужой и т. п.). Образ мира, формирующийся в системе координат определенной этнической культуры, является «основополагающей компонентой культуры этноса» [11, с. 221].

Архетип «дерево» лежит в истоках «универсального или этнического окультуренного формирования констант мира духовного и представляет собой спонтанно действующие, интуитивно постигаемые когнитивные структуры обработки, хранения и репрезентации коллективного опыта» [12, с. 213]. Архетипичность дерева исторически соотносится с язычеством. Рудименты язычества разных стадийальных уровней устойчиво сохранились не только в обрядовых действиях и фольклоре, в различного рода ритуалах, связанных с растительным миром, но и в паремиях. Стойкой сохранности этих элементов в значительной мере способствовало представление о растительном мире, в частности о деревьях, как универсальном семиотическом комплексе, синтезирующем все отношения в жизни человека. Деревья славяне-язычники наделяли особыми свойствами, посредством которых возможна тайная связь с высшими силами небесного, земного и подземного миров, а через них и с силой воздействия на стихии природы, т. е. постоянно и многосторонне воздействующими на земную жизнь.

Дерево – один из самых древних многозначных архетипов, содержание которого многогранно, неоднозначно и непосредственно связано с его символикой. Так, одним из ведущих в символике дерева является его плодovitость и жизнестойкость. В славянской мифологической традиции образ сада как совокупности деревьев и растений связан с семьей, рождением, возрастающей силой, урожаем (образ рая-каравая), с персонифицированным образом плодородия – Раем либо растительным символом плодородия – Спорышем. В антропоориентированном аспекте символика плодovitости дерева отражается в паремиях в смысловых связях:

а) «предкип – потомки», «отцы – дети» (включают значения, связанные с природной наследственностью и воспитанием, с терпением, добротой и доброжелательностью родителей и др.): бел. *якая дрэва, такі й клін, які бацька, такі й сын*=русск. *какое дерево, таков и клин, каков батько, таков и сын*=укр. *який дуб, такий тин, яка гребля, та-*

кий млин, який батько, такий син=яке дерево, такі і квіточки, які батьки, такі і діточки=яке коріння, таке й насіння=русск. какова березка, такова и отростка=от хорошего дерева хороший плод; бел. кривога дрэва не выпрастаеш=русск. кривое дерево не выпрямится=укр. з кривого дерева – крива й тіль; бел. на вярбе грушы не растуць= русск. не родит верба груши / от осины – осина, от свиньи – свинья; /от яблони – яблоко, от сосны (ели) – шишки / не бывають сосновой шишке на рябине; приживчивое дерево из тычка растет; дерево скоро садыт, да нескоро от него плоды едыт; не откормить коня сухопарого, не отрастить дерева суховерхого; под большим деревом и гриб вольготнее растет;

б) «воспитание – обучение» (включают значения, связанные с необходимостью строгости, справедливости, терпения, доброты родителей, учителей, указывающие на сложности учебы и обучения и др.): русск. верба хлест, бей до слез; не я бью, верба бьет; верба красна бьет напрасно; верба бела бьет за дело; береза ума дает; дерево не поранишь – соку не достанешь; дерево немо, а вежеству учит; одному глазком мигни, а другого дубинкой подтолкни; дал бог сыночка, дал и дубочка; не научили дубцем, и дубиной не научишь; батожье – дерево божье: терпеть можно; куда дерево подрублено, туда и валится; аз не вяз; гни дерево, пока гнется, учи дитятку, пока слушается=укр. згинай дерево поки молоде, вчи дітей, поки малі; русск. березовая каша=бел. дубца даць=укр. як кому, то й березова каша не вадить;

в) «хлеб – благополучие» (включают значения, связанные с материальным благополучием в семье, трудом для его достижения): русск. хлеба ни куска, так и в горнице тоска, а хлеба каравай – и под елью рай / как хлеба край, так и под елью рай и др.;

г) «семья – одиночество»: бел. адзін дуб у полі, то не лес; вялікага дуба з малым карэннем не бывае; укр. аби дубки, березки будуть; русск. держись за дубок: дубок в землю глубок; дуб в одиночестве засыхает, а в лесу живёт века.

Дерево – символ, отождествляемый с источником бессмертия (бел. Дрэва Жыцця – русск. Древо Жизни – укр. Дерево Життя; бел. Дрэва Пазнання – русск. Дерево Познания – укр. Дерево Пізнання добра і зла), раем и т. д. В дереве реализуется идея вечной жизни. В этой связи особую роль приобретает семиотизация понятия «сад» в значении ‘рай’. Вырий – древнее название райской обители, находящейся за чертой видимого мира. Представление о нем как о «красивом зеленом саде» сложилось у славян задолго до христианства. Понятия Вырия и рая практически идентичны, и на основе этих понятий с восприятием сада как метафоры для обозначения идеального места жизни человека реализовывалась в славянских верованиях идея вечной жизни: укр. був би сад, а солов’ї прилетять. По преданиям, в раю произрастают два дерева, которые являются неприкосновенными и которые не разрешено осквернять человеку. Каждое дерево в раю дает плоды, включая Древо Жизни (часто дуб, явор) и Древо Познания (традиционно – яблоня), вбирая из земли ее соки – воду. В этом контексте идею передают паремии: русск. как ни гни дерево, оно все вверх растет; нет такого дерева, чтоб на него птица не садилась; где вода – там и верба, где верба – там и вода.

Дерево – центр мира и опора Вселенной. В древних культурных традициях дерево часто рассматривалось как ось мира, вокруг которой сгруппирован космос. Оно растет в центре мира и является опорой Вселенной. Подобный знаковый комплекс с его неизменным окружением из космологических символов указывает на то, что данное место есть «центр мира», что именно здесь находится источник жизни, молодости и бессмертия. Деревья символизируют постоянное возрождение Вселенной, в центре же Вселенной находится дерево. В традиционном восприятии славян священное дерево представлялось большим, мощным, нередко старым растением. Место, где оно произрастало, приобретало статус сакрального. При этом в разных районах Славии в качестве священных выбирались разные деревья – и дуб, и вяз, и кедр и др.: русск. есть кедр – будет соболев, и белка, и медведь; нет кедра – тайга пуста. Дерево выступает

как аналог храма, объект почитания и жертвоприношения; место совершения сакральных обрядов: русск. *в ельнике – трудиться, в березняке – веселиться, а в кедровнике – Богу молиться; в келье под елью; летом и под елью найдешь келью; стоит дуб-стародуб / загадка в поле-полинском стоит дуб веретинской...* (но мы не в лесу родились, не пенью молились). В противовес функционируют выражения, связанные с «проклятыми» деревьями: русск. *на проклятое дерево и козы скачут*; бел. *асіна плача* и *заламаць асінку* в значении ‘принять твердое решение, отрекаясь делать что-нибудь’; русск. *осина горькая; ладило б тебя на осину*. В примерах прослеживается связь с культурной коннотацией осины как нечистого дерева и одновременно восприятием ее как апотропеи [13, с. 11].

Сакральность дерева проявляется и в его бытовой функциональности: укр. *з одного дерева і хрест, і лопата – хрестові ся кланяють, а лопатою гній носять*. Дерево – комплекс, связывающий разные планы бытия. В этом плане дерево выступает в функции определенного медиатора, посредством которого человек попадает в мир людей и покидает его. Связующая роль дерева проявляется при рождении, вхождении во взрослую жизнь, свадьбе, смерти, приобретении или изменении социального или духовного статуса. В магических формулах, с помощью которых детям объясняли, откуда они берутся, одним из частых является упоминание о том, что детей нашли на дереве (русск. *с груши упал, на вербе тебя поймали*; бел. *упаў з грушы*; укр. *баба з груши принесла*), со свадьбой связано упоминание о *свадебном деревце*, со смертью или ее приближением соотносится характерная фразеология, например, бел. *урэзаць дуба / даваць дуба*=русск. *дать дуба / найти последнюю березку / уйти под зеленую березку / глядеть в дуб / дубовыми досками пахнуть / в березки собирается / под березы пора; осинový кол, сосновый гроб / деревянный тулуп*; укр. *закохавсь, як чорт в суху вербу*; русск. *кто вербу посадит, сам себе заступ готовит*.

Дерево – иллюстрация целого, состоящая из множества элементов иерархизированных в нескольких планах. В. Даль зафиксировал загадки *выросло дерево от земли до неба, на этом дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое красное (год); стоит дуб, на дубу двенадцать ветвей, на каждой ветке по четыре отростка, на каждом отростке по семи прутьев (год)* [2]. Отдельные деревья выражают отдельные аспекты широкого спектра значений. Так, дерево соотносится с человеком по внешним признакам: ноги – корни, туловище – ствол, руки – ветви, пальцы, ногти – листья на ветке, сок – кровь, шелест листьев – человеческая речь (сравн. «рамень, рамень» в русск. «лес, поросль», «раменный» – «боровой, лесной» однокоренные «рамена» – плечи). Примером может служить параллель бел. *зляцець як лісток з дрэва*=укр. *од дерева одірваний листочок*; русск. *середка всему делу корень*. Деревья выступают в качестве вместилища, проводника или показателя чувств и эмоций человека. Данная символика транслируется в восточнославянских паремиологических единицах: бел. *стаяць як бузіна ў полі, сірата-вярбіна*= русск. *как тополь на ветру* ‘быть в одиночестве’; *бярозаю ліцца* ‘горько плакать’.

Восточнославянские паремии антропоцентричны. Типы соотнесенности человека и дерева различны. Часто сопоставимость опирается на сравнение: например, тонкое дерево – символ девичьей красоты: русск. *тонкая как верба / бел. высока як вярба; стройная як вярба / укр. тонка як тополя*.

Растительным символом, воплощающим в себе универсальную концепцию мира, выступает Мировое дерево: русск. *Мировое дерево* – укр. *Світове дерево* – бел. *Дрэва Сусвету*. Мировое дерево (лат. *Arbor Mundi*, «древо жизни», «древо плодородия», «древо центра», «древо восхождения», «небесное древо», «мистическое древо», «древо познания» и т. д.) – один из наиболее интересных и красноречивых символов растительного мира. Символ Мирового дерева играл особую организующую роль, он служил той основой, которая необходима для упорядочения мышления, памяти, восприятия

[14, с. 398]. Образы внешнего и внутреннего мира нанизывались на этот символ, в результате чего становилось возможным выражение этих образов посредством главного символа в знаковых системах – в словах, числах, формулах, изображениях. Это и символ Космоса, Вселенной, центра мира, модель мира с определенной системой координат (троичная (вертикальная) и четверичная (горизонтальная) структуры, которые схематизируются в сознании, в результате чего возникают различные абстракции и символы) и символ противопоставления добра и зла. В функции Мирового дерева в славянских фольклорных текстах обычно выступают такие деревья, как явор (клен), дуб, сосна, яблоня и др. С символикой Мирового дерева, помимо обрядового деревца связаны многочисленные обрядовые предметы (хлеб, каравай и др.). Всякий обряд, таким образом, совершался как бы в центре мироздания, у Мирового дерева, и повторял акт сотворения мира (в Новый год и другие календарные праздники), обновления жизни (свадьба и другие семейные обряды). Мировое дерево имеет различные варианты в мифологических представлениях славян (*дерево Жизни, дерево Познания* и др.), эти вариации главного знакового комплекса актуализируют мифологические представления о жизни человека во всех ее проявлениях. В русском и белорусском языках не зафиксированы паремиологические единицы, прямо или косвенно репрезентирующие фрагмент этого архетипа. В украинском же языке отмечены единицы грона з дерева життя / гілочка із дерева життя в значении 'счастливы́й момент жизни'.

Архетип «дерево» также транслируется общим оценочным противопоставлением «хороший / хорошо – «плохой / плохо», когнитивно связанным с оппозициями «правильный / правильно – неправильный / неправильно», «истинный / правда – ложный / ложь», «верный – неверный», «умный – глупый» и др. Сравн. паремиологические единицы, включающие характеристики человека: бел. *вярба таўстая, ды ў сярэдзіне пустая* (в значении 'никчемность'); *прывязаўся як чорт да старой ігрушыны / удоўбацца як той дзяцёл у дзерэво / прычапіцца як смаля да дрэва/ зачэпіцца за пень, дык і прастаіць цэлы дзень* = русск. *зацепился за пень, да и стоит день* (значение 'назойливый'); русск. *кривое дерево не разогнется прямо; с осину вырос, а ума не вынес; не все сосны в лесу корабельные*; русск. *велик дуб, да дуляст, а мал дуб, да здоров; дерево деревом / рабобать деревом / туп, как дерево / здравствуй, дерево / дуб дубом / дуб стоеросовый / пень березовый / сдуру, что с дубу / бел. куст альховы / пень альховы / у лес дрывы возіць / дурны, як даўбешка (як доўбня, як пень) = укр. як пню стати / як на пень з`їхати* в значении 'дурак, бестолковый человек'; *с дуба упал / бузины объелся* в значении 'с ума сошел'; русск. *смелому медовые пышки, а трусу – еловые шишки; клен да береза, чем не дрова / клен да ясьень – плюнь да сгасни (плюнь да наземь) / смирен пень, да что в нем* в значении 'не все хорошо / хорошие в жизни'; русск. *была правда, да в лес ушла*; укр. *скільки вовка не годуй, а він усе в ліс дивиться* = русск. *сколько волка ни корми – всё равно в лес смотрит*; укр. *лихе око на дуб гляне, так і дуб зав`яне*.

Архетипичность дерева реализуется в горизонтальных бинарных оппозициях, транслируемых в паремиях:

– «свой – чужой», соотносимой с оппозицией «мы–они»: русск. *руби дерево здоровое, а гнилое и само свалится; дерево держится корнями, а человек друзьями; дерево дереву рознь; и на дереве лист на лист не приходится; немец, что верба: куда ни ткни, тут и принялся; на дубу не мое, а в кулаке мое; лес по дереву не плачет; всякая сосна своему бору шумит; руби дерево по себе*;

– «верх – низ»: русск. *дерево срубилшь – ветви сами упадут, не беречь поросли – не видать и дерева, под большим деревом и гриб вольготнее растет*;

– «добро – зло»: русск. *дерево с одного стуку не валится; не от добра дерево листья роняет*; укр. *їли кози деревця і хвалили без кінця*;

– «молодость – старость» как антропоориентированная оппозиция «утро–вечер», «весна–осень»: бел. *як дерава трухлявае шапацець; ліпець як тое гнілое да старое дзе*

раво; на пахілае дрэва й козы скачуць = укр. *на похиле дерево й цапи скачуть* 'о старом, слабом, немощном человеке'; бел. *скрыпучая дрэва доўга скрыпіць* = русск. *скрипучее дерево долго скрипит / скрипучее дерево два века стоит / скрипучее дерево долго живет / старое дерево скрипит, да живет* = укр. *скрипливе дерево довше росте*; русск. *старое дерево трещит, молодое летит; старый дуб не скоро сломится*;

– «мудрость / сила – молодость / слабость»: русск. *теленек с дубом бодался, да комольй [безрогий] остался; олень с дубом бодался, да рога сломал; топору на ёлке не страшны иголки*; бел. *за адным цягам дрэва не ссячэш* = вялікае дрэва навалі расце = русск. *большое дерево долго растет*;

– «труд – лень»: русск. *дерево по плодам, а человек по делам познается; заманулся на дуб, а срубил соломинку; работнику – медовые пышки, а лодырю – еловые шишки; солнце на ели, а он еще в постели; не срубишь дуба, не отдув губы*; укр. *з його помочи, як з осинки груш*;

– «дом – вне дома»: бел. *бяроза – не пагроза: дзе стаіць, там і шуміць* = русск. *береза не угроза: где стоит, там и шумит*; русск. *где сосна выросла, там она и красна / всякая сосна своему бору шумит / всякая сосна своему лесу весть подает; перелетный соловей: то на сосну, то на ель*;

– «главное – второстепенное»: бел. *за дрэвамі не бачыць лесу* = русск. *за деревьями не видеть леса* = укр. *не бачити за деревами лісу*; русск. *все едино, что мед, что калина, только мед давай наперед*; русск. *в огороде бузина, а в Киеве дядька* = укр. *в городі бузина, в Києві дядько*; русск. *за лесом видит, а под лесом нет / лесом шел, а дров не видал / под лесом видит, а под носом не видит; все одно, что дерево, что бревно*;

– «много – мало»: укр. *аж гілля гнеться, аж гай шумить*; русск. *много лесу темного, да нет дерева годного; в лесу и сковорода звонка; в лесу – дуб рубль*.

Таким образом, в данной работе рассмотрены лишь некоторые аспекты широкой темы репрезентации древнейшего архетипа в восточнославянских языках, приведены отдельные иллюстрации выделенных символических значений дендронимов.

Трансляция архетипа «дерево» широко представлена в паремиологических единицах белорусского, русского и украинского языков, что позволяет более полно осознать связь между человеком и деревом. Символика дерева отражает не только жизненный цикл человека, но и функционирование Вселенной в целом. Таксономия паремиологических единиц – репрезентантов архетипа «дерево» объединяет общие признаки и черты, т. е. дерево представляет живой Космос, непрестанно возрождающийся, причем делает это как ритуальным, конкретным способом в мифологическом и космологическом плане, так и чисто символическим путем.

Список использованных источников

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Русский яз. Медиа, 2009. – 814 с.
3. Зимин, В. И. Пословицы и поговорки русского народа : большой объяснительный словарь / В. И. Зимин, А. С. Спирин. – изд. 4-е, стер. – М. : Цитадель ; Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 590 с.
4. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.
5. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 667 с.
6. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / упор. М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с., Кн. 2. – 616 с.
7. Удовиченко, Г. М. Фразеологічний словник української мови : в 2 т. / Г. М. Удовиченко. – Київ : Вища школа, 1984. – Т. 1. – 304 с.; Т. 2. – 384 с.

8. Українські прислів'я та приказки. – вид. 2-е, випр. та доповн. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1961.
9. Фразеологічний словник української мови / АН України, Ін-т укр. мови ; [уклад.: В. М. Білоноженко та ін., редкол.: Л. С. Паламарчук (голова) та ін.]. – Київ : Наук. думка, 1993. – 980 с.
10. Українські народні прислів'я та приказки / упоряд. В. С. Бобкова, Ф. І. Лавров, М. П. Ліждвой та інші; відп. ред. М.Т. Рильський. – 2-е вид., випр. та доп. – Київ : АН УРСР, 1961. – 526 с.
11. Лурье, С. В. Историческая этнология. – М. : Аспект Пресс 1997. – 448 с.
12. Телия, В. Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькихсловных образований / В. Н. Телия, А. В. Дорошенко // Язык, культура, общество : сборник научных трудов. – М. : Гнозис, 2008. – С. 207–216.
13. Малюха, М. Фразеология и национальная картина мира, фразеологизмы с компонентом-названием дерева в восточнославянских и польском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / М. Малюха. – Минск, 1996. – 22 с.
14. Топоров, В. Н. Древо Мировое / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. – М. : Советская Энциклопедия, 1980. – С. 398–406.

Abstract. The article presents materials of consideration of the paremiological units of the Russian, Belarusian and Ukrainian languages, which include the names of trees and reflect in their meanings the symbolism of a tree, from the point of view of an anthropo-oriented approach. The representation of the symbolism of trees, the representation of paremias in traditional binary paremiological oppositions is investigated.

Keywords: archebite, wood, symbolism, East Slavic languages, paremia, anthropo-oriented approach.

УДК 811.161.1'42'371:398.91:811.512.154'42'371:398.91

З. К. Дербішева

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДРУГ»

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ паремий о дружбе в русском и киргизском языках. Лингвокогнитивный подход к исследованию паремиологического материала позволил выявить существенные отличия в содержании концепта «Друг» в русском и киргизском языковом сознании.

Ключевые слова: паремия, пословицы, поговорки, концепт, когнитема, русский язык, киргизский язык.

Слово *друг* как лексический репрезентант концепта «Дружба» является одним из самых важных слов в словарном запасе русского языка, о чем свидетельствует его частотность (свыше 1000 на 1 млн словоупотреблений) [1, с. 284]. По мнению И. С. Кона, «древнейший образ дружбы в русской литературе – побратимство, “крестовое братство” былинных богатырей. В “названное” или “крестовое” братство (обряд скреплялся обменом нательными крестами) вступают практически все былинные богатыри. “Крестовое” братство ставилось выше всех прочих отношений, даже кровного родства» [2]. Настоящий культ интимной дружбы в России, как и в Европе, по И. С. Кону, появляется вместе с романтизмом. Почти все хрестоматийные образцы дружбы в русской литературе и жизни первой половины XIX в. (лицейская дружба А. С. Пушкина, дружба А. И. Герцена и Н. П. Огарева, взаимоотношения В. Г. Белинского и М. А. Бакунина и т. д.) имели отчетливо романтический характер. При этом нормативный канон дружбы и индивидуальные переживания сплошь и рядом переплетаются, накладываются друг на друга. На разных этапах развития советского общества на первый план выступали разные аспекты дружбы. Громадный подъем чувства дружбы, если так можно выра-